

К столетию Мишеля Фуко. История «гouverна- ментальностей» в России: от Иосифа Волоцкого до «развитого социализма»

Дискуссия «НЗ». Часть I

Игорь Кобылин: Уважаемые коллеги, я рад всех приветствовать и благодарю за то, что вы согласились принять участие в дискуссии. Этот год юбилейный: 100 лет со дня рождения Мишеля Фуко — и, конечно, «НЗ» не мог не откликнуться на это событие. Фуко за довольно непродолжительную, но очень насыщенную творческую жизнь предложил огромное количество исследовательских программ, концептов, понятий, и даже *попробовать* обсудить это за несколько часов было бы слишком большой самонадеянностью. Чтобы разговор получился продуктивным, из этого изобилия нужно что-то выбрать. Предлагаю обсудить то, чему в российском академическом пространстве уделяется меньше всего внимания, — гouverнаментальность, или правительность. (И как раз первым будет вопрос перевода этого фукольдианского термина — *gouvernementalité*).

Игорь Игоревич Кобылин
(р. 1973) — философ,
историк культуры,
доцент исследова-
тельского центра «Res
Publica» Европейского
университета в Санкт-
Петербурге.

ФОРУМ «НЗ»

Если в западной академии уже существует огромная литература по этой теме, можно говорить об отдельном поле исследований — *governmentality studies* (рублежным в этом отношении стал сборник «Эффект Фуко: исследования гуйвернаментальности»¹), то у нас пока куда большее внимание уделяется эпистемам, археологии, генеалогии, биополитике и другим, безусловно, важным и интересным, разработкам Фуко. Вместе с тем понятие «гуйвернаментальность» могло бы многое прояснить в устройстве режимов власти и управления в России — и в XVI, и в XX, и в XXI веке. Поэтому я предлагаю обсудить даже не гуйвернаментальность вообще — а гуйвернаментальность по-русски (тут я сознательно отсылаю к названию недавней статьи Олега Хархордина²) и гуйвернаментальность по-советски. Но прежде, чем передать слово уважаемым спикерам, буквально одно методологическое замечание.

Подавляющее большинство постфукольдианских работ, посвященных гуйвернаментальности, построены по модели экспортирования понятия и его последующего применения в новом контексте и на новом материале, колониальном, постколониальном, социалистическом, феминистском — не важно. И сама эта процедура имплицитно содержит в себе своего рода «платонизм»: описание гуйвернаментальности у Фуко вольно или невольно наделяется статусом образца (при том, что более-менее подробно он разобрал всего два исторических режима этой гуйвернаментальности — полицейский и либеральный — и только последний довольно детально: в диапазоне от классического либерализма, понятого в качестве управленческой технологии, а не идеологии, до американского неолиберализма), а формы управления, к которым применяется гуйвернаментальная оптика, неизбежно оцениваются по степени соответствия этому образцу или отклонения от него. «Вот здесь гуйвернаментальность вообще не сложилась, здесь она носит гибридный характер, а вот тут она практически идеальная, почти как у Фуко». Уже выбор словаря говорит о многом.

Полагаю, что рассуждения в терминах эйдоса и его многочисленных эмпирических искажений не слишком полезны. Куда интереснее и продуктивнее рассмотреть это в терминах кибернетической обратной связи: то есть попробовать понять, как новый материал меняет саму теорию, показывает ее ограничения, заставляет пересмотреть исходные презумпции. Это тем более важно, что у Фуко нет строгой теории гуйвернаментальности. Термин появляется в курсе «Безопасность, территория,

1 BURCHELL G., GORDON C., MILLER P. (Eds.). *The Foucault Effect. Studies in Governmentality*. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

2 ХАРХОРДИН О. *Gouvernementalité no-русску* // *Philosophy Journal of the Higher School of Economics*. 2026. Т. 10. № 1. С. 13–69.

население», где поначалу речь идет о биополитике — Фуко продолжает тему, заявленную в предыдущем курсе «Нужно защищать общество». Затем биополитика (здесь она проходит уже под другим названием — «устройство безопасности») довольно неожиданно сменяется интересующим нас «управленчеством» (так в русском переводе курса обозначено *gouvernementalité*), и видно, что Фуко с разных сторон пытается конкретизировать свою интуицию: тут и пастырская власть в древневосточных культурах; и правители-пастухи у греков; и христианское пастырство; и средневековые, «антиповодырские», ереси; и теории государственного интереса; и полицейские регулярные монархии XVII–XVIII веков — чего в этом курсе только нет! А нет — детально выверенной теории. Дальше он попытается связать исследования европейской (ранне)модерной гвернаментальности с античными практиками управления собой, что делает и без того сложную тему еще более сложной.

Поэтому я предлагаю, обсуждая историю гвернаментальностей в России, отнестись к Фуко предельно недогматически — скорее как к ориентиру, нежели как к обязывающей инструкции. Но в любом случае начать нужно с перевода. Насколько я понимаю, переводческий консенсус пока только негативный: мы точно знаем, *как переводить не надо*. Вариант «правительственность» (уместный в случае «Мифологий» Ролана Барта, откуда, как считается, Фуко позаимствовал термин) отвергается сегодня всеми переводчиками: те техники и практики управления, о которых говорит Фуко, не сводятся к уровню эксплицитной политики или экономического администрирования.

Но как же переводить правильно? Сегодня используются три основных варианта: *гвернаментальность*, *правительность* и *управленчество*. В обсуждении участвуют Александр Писарев и Виктор Каплун — люди, которым приходилось принимать переводческие решения, и в итоге они приняли разные решения. Мой первый вопрос Александру: занимаясь переводом книги Митчелла Дина³, вы выбрали вариант, предложенный в свое время Андреем Корбутом, — *правительность*. Почему именно его?

Александр Писарев: Когда я начинал работу над переводом Митчелла Дина, для меня это была совершенно новая область, — не могу сказать, что тогда я активно или глубоко интересовался Фуко. И поэтому, как вы верно заметили, выбор был скорее продиктован тем, *как не надо*. К тому времени накопилось немало довольно странных изобретений вроде

К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГУВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

Александр Александрович Писарев (р. 1988) — исследователь, переводчик, преподаватель, младший научный сотрудник Института философии РАН.

³ Дин М. *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Дело, 2016.

«управленчество», «управленитет» и других. В какой-то момент я начал выписывать варианты, соревнующиеся в степенях необычности...

И. К.: Была даже «властноментальность» где-то.

А. П.: Да. И, с одной стороны, *правительность* была более-менее нейтральной: она не вносила ненужные отсылки к ментальности и управленческому, которые уводили понимание в сторону от того, что имел в виду Фуко. А с другой стороны, я доверял пониманию темы и языковой интуиции Андрея Корбута и Александра Бикбова, соответственно, переводившего и редактировавшего текст, где активно использовалось это понятие, в номере «Логоса», посвященном Фуко⁴.

Но сегодня, после опыта работы с *governmentality studies* и другими постфукольдианскими исследованиями, я могу сказать то, что тогда бы не сказал. Я думаю, что *правительность* — хороший вариант перевода, но с недостатками. Удачного скорее нет вообще, но из тех, что есть, *гувернаментальность* — наиболее удобный, несмотря на непривычность и громоздкость. Прежде всего за счет того, что он останавливает взгляд, он остраивает, он вызывает вопрос: что это вообще такое и как это странное слово можно деконструировать, разобрать? Это рифмуется с тем, что понимание власти в таком подходе расходится с интуициями здравого, да и дисциплинарного смысла.

Русифицированные же варианты либо вызывают оторопь своей странной формой (властноментальность, управленитет), либо просто остаются незамеченными — читательский взгляд скользит по ним, но не цепляется, как гладкая стена, где не за что зацепиться. В этом отношении калька «гувернаментальность», наверное, лучшее из существующего. По крайней мере удобное, в том числе как заметный маркер использования конкретного подхода, хотя бы до какой-то степени сохраняющее те смыслы, которые закладывал в это понятие Фуко. Правда, бывали случаи, когда при подаче статьи редакции журналов настоятельно просили заменить «гувернаментальность» на что-то менее странное. Где-то даже не удалось это слово отстоять.

И. К.: Спасибо! Был еще вариант гувернементальность — мне предлагал его Артемий Магун, когда я публиковал статью в редактируемом им журнале «Стасис». Я согласился и использовал его, но редакторы других журналов регулярно исправляли «е» на «а», и как-то этот перевод не прижился.

⁴ Донзло Ж., Гордон К. *Управление либеральными обществами — эффект Фуко в англоязычном мире* // Логос. 2008. № 2. С. 3–20.

Но, возвращаясь к принципиальным решениям: я думал, что будет переводческая полемика между Александром и Виктором — а тут с самого начала неожиданное согласие. Виктор вопрос к вам: понятно, почему не властноментальность, но почему не управленчество и не правительственность?

Виктор Каплун: Здравствуйте, коллеги! У меня в статье достаточно подробно обосновано, почему «гувернаментальность»⁵.

Почему не властноментальность действительно понятно — «ментальности» здесь вообще не должно быть. Это неверная этимология, ошибка, которая возникла, когда неологизм Фуко начали переводить на русский, не прочитав необходимых комментариев (в частности, Мишеля Сенеляра, научного редактора французского издания курса лекций «Безопасность, территория, население») и не разобравшись в том, как термин сконструирован. Полагали, что он представляет собой сочетание *gouvern-* (от *gouvernement* — правление, управление, правительство) и *mentalité*. Но последнего тут нет — это суффикс, означающий абстрактное существительное. Например, «орнаментальность» не составлено из слов «орнамент» и «ментальность», а всего лишь представляет собой существительное, обозначающее определенное абстрактное качество (за что и отвечает данный суффикс). Поэтому переводы типа «властноментальность» или «правительственная ментальность» — это ошибка в совершенно позитивистском смысле слова.

Теперь, что касается вариантов с корнем «прав-». Конечно, было бы желательно, чтобы русский язык давал возможность этот корень сохранить, в частности, потому, что *gouvernemental* Фуко часто употребляет в паре с *gouvernement*. *Gouvernement* мы должны использовать в контекстах, где речь идет об анализе отношений власти, то есть об анализе в той перспективе, которую Фуко предлагает для исследования власти в смысле релятивного понятия, феномена, всегда существующего в виде отношения. Здесь есть субъекты — индивиды или группы, — которые стремятся управлять поведением (или направлять поведение) других субъектов — индивидов и групп. А эти другие пытаются препятствовать действиям, которые направлены на управление ими, и в свою очередь пробуют контрстратегии или контртактики, чтобы влиять на действия тех, кто стремится ими управлять. Это, как говорит Фуко, постоянная взаимная стратегическая игра, своего рода агональность. Мы привыкли обозначать этот феномен существительным «власть», но этот термин или даже французское слово *pouvoir* могут вводить

К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГУВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

Виктор Львович Каплун — философ, доцент исследовательского центра «Res Publica» Европейского университета в Санкт-Петербурге, руководитель магистерской программы «Современная политическая теория: язык, знание, власть, современность» ЕУСПб, переводчик работ Фуко.

⁵ Каплун В. Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernemental*é, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. 2019. № 2. С. 179–220.

в заблуждение, поскольку скрывают его реляционный характер. А вот *gouvernementalité* вместе с *gouvernement* отсылают как раз к специфическому пониманию власти как правления, управления или даже *направления*, если иметь в виду специфическое действие, которое *направлено* на возможные действия другого. Эти два термина, их «игра» (если употреблять это слово во французском смысле), определенный набор применений и есть наиболее мощный концептуальный инструмент у Фуко для анализа отношений власти.

Сохранить в переводе тот же самый корень — как для *gouvernement* (которое здесь означает правление, управление, направление), так и для *gouvernementalité* — было бы желательно, но в русском языке это оказывается проблематичным. Сказать «невозможным», наверное, было бы слишком категорично. Но в любом случае это потребовало бы слишком больших жертв, которые не окупаются, — и в результате теряется главное. Попытки были — та же «правительственность» например. Но она отсылает к термину «правительство», что немедленно ведет нас к рассмотрению феномена власти через понятие государства, которое оказывается субъектом власти и местом ее локализации, а правительство — инстанцией, осуществляющей волю этого субъекта. Мы снова мыслим феномен власти через модель, требующую субъекта в виде правительства или государства. Это наш любимый отечественный «спорт» (если позволить себе такую горькую иронию): мыслить себя как участников такой культуры, где есть некий высший субъект — государство и орган, его представляющий, действующий от его имени, осуществляющий его волю, — правительство.

Переводчики, к сожалению, тоже часто так мыслят — явно или неявно для самих себя, — ведь все мы неизбежным образом люди своей культуры и своего времени. Как и Фуко, естественно, но он специально придумывает концептуальную рефлексивную технику, чтобы дистанцироваться от такого способа мысли и показать, как этот способ мысли — через государство и правительство — мистифицирует реальные отношения власти, в которых воплощается стремление одних индивидов или групп управлять другими индивидами или группами — их поведением, мышлением, чувствованием.

В итоге, если мы выбрали бы «правительственность», поддержали бы этот принцип перевода, то уничтожили бы всю аналитическую перспективу Фуко и вернулись бы к старой перспективе мышления. При этом «правительственность» немного лучше [других отвергнутых вариантов], поскольку в меньшей степени отсылает к такому способу мыслить, но не гарантирует

защиту от него: ведь по-прежнему явно или неявно есть субъект, который «обладает властью» и «правит».

Еще есть вариант «управленчество», предложенный в курсе «Безопасность, территория, население». Я немного знаю историю его публикации на русском: там было три переводчика, которые долго согласовывали подходы, но результат все равно получился неоднородным: части, переведенные разными людьми, имеют разную «степень надежности». Но относительно ключевого термина они договорились выдерживать единство и перевели *gouvernementalité* как «управленчество». Учитывая вторую тему нашего сегодняшнего разговора — так называемую советскую гувернаментальность, — действительно, есть соблазн использовать такой вариант. Тем более, что «управленчество» нам очень привычно, мы привыкли так мыслить.

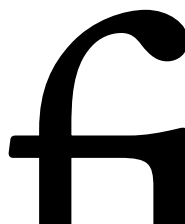
К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГУВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

Наш любимый отечественный «спорт»: мыслить себя как участников такой культуры, где есть некий высший субъект — государство и орган, его представляющий, действующий от его имени, осуществляющий его волю, — правительство.

И. К.: Так и видишь советский УАЗик, в который садится директор какого-нибудь совхоза, хлопает дверью и командует водителю: «В управление!». Мне одно время нравился этот перевод именно такими устойчивыми советскими коннотациями.

В. К.: Вот-вот. Он сразу кажется нам родным, применимым к знакомой нам реальности, мы сразу оказываемся в привычной колее мышления. И в этом — главная опасность, потому что здесь сразу появляются *управленцы* народным хозяйством: директора колхозов, совхозов, заводов — весь этот партийно-хозяйственный актив. Но они же тоже являются государственными акторами — они мыслят и действуют через государство, как мы и привыкли об этом думать, отсюда это чувство чего-то родного и знакомого, когда речь идет об управленцах, управленческих кадрах, управленческом резерве. Но наша задача — дистанцироваться от такого способа мыслить, и тут слово «управленчество» служит нам плохую службу.

Таким образом с корнем «прав-» не получается: любой термин с ним немедленно отсылает нас к мышлению, где государство является некой сущностью и субъектом власти, к которому мы все вынуждены как-то относиться — любить его или ненавидеть, — но при этом знать, что это именно оно, государство, осуществляет власть, благую либо дурную. Поэтому

в итоге я выбрал термин «гувернаментальность» — получилась такая, пока не привыкнешь, кажущаяся странной вокабула, но она дает понять, что за ней стоит специфическое техническое понятие, что это отсылка к выработанному Фуко особому концептуальному инструменту.

И. К.: Я вижу, что у коллег много вопросов. Александр, пожалуйста, вы хотели спросить.

А. П.: Спасибо. У меня вопрос не про перевод и, возможно, он предполагает как короткий, так и развернутый ответ. Он касается самого термина «гувернаментальность», или «правительственность», — сейчас неважно, как его переводить. Это вопрос из перспективы заинтересованного читателя, отчасти ученика, осторожно примеряющегося к данному инструменту Фуко.

Работа с этим подходом в тех, очень разных, контекстах, где он применялся, оставила у меня впечатление, что, в общем-то, мы могли бы и обойтись без этого термина, а может быть, даже и лучше без него. Все, что мы говорим о гувернаментальности, относится прежде всего к управлению. «Гувернаментальность» работает как маркер подхода, который однозначно настраивает нас на то, чего ожидать: нечто единичное, связанное, называемое гувернаментальностью. Не создает ли это эффект, от которого Фуко стремился уйти: картину режимов управления как монолитных феноменов, отделенных друг от друга, подобно монадам, и схватываемых понятиями вроде авторитаризма, тоталитаризма и подобных им, в противовес тому, что, считал он, должно быть на первом плане: множественность техник управления, которые могут мигрировать или заимствоваться из одной гувернаментальности в другую?

Гувернаментальность — авторитарная, либеральная, кибернетическая, алгоритмическая — на деле всегда разнородна, это бриколаж, хотя и пронизанный рациональностью управления. Получается, что понятием «гувернаментальность» мы объединяем — и рискуем сковать в нечто единое — практики, которые, в принципе, циркулируют безотносительно принадлежности к этой группе, этому режиму, этому комплексу. Митчелл Дин в книге, посвященной данному подходу, подчеркивает эту немонолитность, сборочный характер гувернаментальности на примере работы авторитарных техник управления в либеральной гувернаментальности⁶.

И. К.: Добавлю: дело осложняется тем, что у Фуко гувернаментальность — это еще и отдельный диспозитив власти, отличный

от того, что он называет «суверенитетом» со всеми его политико-юридическими определениями. И мы, с одной стороны, должны различать гвернаментальность как исторически конкретный, более-менее четко датируемый диспозитив (особую конфигурацию управленческих техник и обслуживающих их дискурсов) и политическую власть на уровне государства и правительства, а с другой — удерживать декларируемую Фуко непрерывность: ведь в «Безопасности, территории, населении» он говорит, что, в конце концов, государство — это не более чем «превратность» (или, как вы отмечаете в своей статье, Виктор, «перипетия») гвернаментальности. А позже в «Герменевтике субъекта» он будет настаивать — позвольте, я процитирую:

«Если вопрос о власти, власти политической, смещается в сторону более общего вопроса о правлении (*gouvernementalité*), понимаемом как стратегия властных отношений в самом широком смысле, не только политическом, итак, если под правлением понимается стратегическое поле властных отношений, взятых во всей их подвижности, изменчивости, обратимости, то мне кажется, что рефлексия по поводу этого понятия правления не может не коснуться, теоретически или практически, субъекта, который определялся бы своим отношением к себе. В то время как теорию политической власти как института обычно связывают с юридической трактовкой субъекта права, мне кажется, что анализ правления (а именно: анализ власти как совокупность обратимых отношений) должен быть соотнесен с этикой субъекта, определяемого своим отношением к себе»⁷.

То есть на уровне микрофизики все может описываться в терминах гвернаментальности: и государство, и экономический рынок, и позднеантичная аскетика. Все состоит их одних и тех же «атомов», гвернаментальных единиц, так что термины с корнем «прав-» эту непрерывность неплохо бы демонстрировали. Но опасения понятны: такая непрерывность была бы непрерывностью именно «правления», а «правление» влечет за собой «правителя», инструменты «правления», пассивных «управляемых» и так далее.

Галина Орлова: Я хотела бы включиться с коротким комментарием. После того, как Игорь сформулировал диспозитивную характеристику гвернаментальности, мне хочется спросить у Виктора: можем ли мы обрести в ней точку опоры при работе с этим эпистемологическим неологизмом на переходе от

К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

Галина Анатольевна Орлова (р. 1974) — социальный исследователь, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

⁷ Фуко М. *Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году*. СПб.: Наука, 2007. С. 278.

общереляционных деклараций *прогосударственного* политического анализа к выдвиганию на первый план разномасштабных и гетерогенных прагматик власти? И если да, то чем обернется для исследователя гувернаментальности фирменная фукольдианская сборка диспозитива на осях политических технологий, специфических режимов знания и стратегий конституирования морального субъекта? Помехой, ложной опорой или продуктивной настройкой и самой категории, и нашей аналитической оптики?

В.К.: Вначале я отвечу на вопрос Александра. Что касается термина «управление» по-русски, то я всегда призываю к осторожности и предлагаю перепроверять свой способ мыслить и свое языковое чувство через способ мыслить и языковое чувство других. Давайте попробуем проверить. В соответствии с моим чувством современного русского языка термин «управление» все равно отсылает тем или иным образом к некоему целому, привычно обозначаемому нами словом «государство». Ну, или к каким-то субъектам, которые замещают государство, конкурируют с ним, но выполняют примерно ту же функцию управления людьми из некоего центра, который является центром целостного ансамбля. Поэтому точнее было бы перевести *gouvernement* как «управление», но одновременно как «направление», а где-то и как «правление».

Фуко приводит словосочетание, поясняющее, что имеется в виду: *la conduite des conduits* — «ведение поведения» или «направление поведения». Когда речь идет о нововременных или современных формах власти, за этим мистифицированным субъектом, за этим Левиафаном, которого мы все привыкли видеть перед собой — кто-то с обожанием, кто-то с ужасом, — за этим холодным чудовищем, как обозначил его Ницше, Фуко предлагает увидеть реальные группы людей, которые стремятся определенным образом направлять поведение других групп людей, их мышление и способы чувствовать. Нередко они пытаются легитимировать свое доминирование идеологией, апеллирующей к этому мистическому чудовищу, к этой высшей сущности, хотя на деле это лишь один из возможных инструментов (у)правления, (на)правления или «гувернирования» — если можно было бы позволить себе такой термин на русском. «Гувернирование» других или другими.

Термин «управление» и его дериваты — управленчество, управленческий класс, правительность, правительственность — все равно, с моей точки зрения, ведут не туда, закрывают эту фукольдианскую перспективу. А для нас эта перспектива тем полезнее, что во французской политической культуре тоже есть тенденция, привычка мыслить отношения власти через сильное

централизованное государство. В чем-то французская политическая культура — или, скажем так, культура форм мысли об отношениях власти — близка российской. Поэтому для нас этот методологический инструментарий Фуко особенно важен — по крайней мере больше, чем для многих других культур мысли.

Теперь по поводу диспозитива — о чем спрашивала Галина. Да, для Фуко важно подчеркнуть, что власть — это такой специфический феномен, существующий в рамках любых институтов, в любых культурах и обществах. Что этот аспект реальности, который Фуко называет «отношениями власти», являются составляющей любых социальных взаимодействий, вообще любых отношений между людьми, находящимися в определенных культурных ролях: будь то внутри семьи или внутри разных типов семей (да, они будут разными в разных культурах, в зависимости от типа семьи), внутри отношений между супругами, между родителями и детьми, между учителями и учениками, между врачами и пациентами, психиатрами и безумцами. Везде есть отношения власти. Фуко было важно перейти от понимания власти как управления из некоего центра или как господства к пониманию власти как реляционного феномена.

И. К.: Спасибо, Виктор.

Олег, у вас, кажется, есть возражения, которые связаны с вашими недавними исследованиями русской гувернаментальности раннего Нового времени — XVI–XVIII веков. У Фуко совсем немного есть про Россию, а в курсе «Безопасность, территория, население» буквально два слова. В лекции, где он анализирует пастьерскую власть, христианское искусство «управления душами», отмечается, что на Западе власть пастьеры всегда отличалась от власти политической. Они, конечно, влияли друг на друга, переплетались, перехватывали инициативу, каждая пыталась с большим или меньшим успехом присвоить функции другой, но они всегда оставались разделенными. И этот дуализм — отличительная черта именно западной традиции. Вот как говорит об этом Фуко, цитирую:

«Такой государь-христианин [каким его описывает цитировавшийся в лекции Гоголь. — И. К.], по моему мнению, не характерен для Запада. Западный государь — это кесарь, а не Христос. А западный пастьер — Христос, а не кесарь»⁸.

А в России как раз наоборот: кесарь, так сказать, сливается с Христом, а пастьерская власть — с властью светского государя. Существует огромный массив литературы об этом, но Фуко

8 Он же. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука, 2011. С. 217.

Олег Валерьевич Хар-
кордин (р. 1964) — про-
фессор политической
теории, директор иссле-
довательского центра
«Res Publica» Европей-
ского университета
в Санкт-Петербурге.

мельком упоминает только две книги и от них, видимо, и от-
талкивается в своих размышлениях: работы Алена Безансона
«Убиенный царевич» и Андрея Синявского «В тени Гоголя»⁹, по
которой он цитирует «Выбранные места из переписки с дру-
зьями» — фрагмент о том, как христианская любовь государя
«обратит в стройный оркестр государство».

Олег, как же все-таки выглядит гвернаментальность по-
русски в «дооктябрьский», как говорили советские марксисты,
период?

Олег Харкордин: Спасибо за вопрос. В данном случае не так
важно, от чего отталкивался Фуко, потому что Россию он не
знал и чаще всего, когда «стрелял» в эту сторону, то прома-
хивался в своих интерпретациях. Что касается перевода, то
я поддерживаю Виктора — но, заимствуя «гвернаментальность»,
необходимо держать в уме его разъяснения о том, зачем и поче-
му мы это делаем, какова стратегия этого заимствования.

Рассуждая о терминах с корнем «прав-», Виктор говорил
о «направлении», но не упомянул «исправление». А если мы
обратимся к литературе, посвященной тому, как пастырская
власть описывалась в монашеских трудах, и посмотрим, как
произошла передача функций пастырской власти власти свет-
ской, то обнаружим, что наши привычные ассоциации, связан-
ные с управлением, здесь совершенно не работают. Например
Василий Великий, основатель восточно-христианского мона-
шества, говорит об управлении как о направлении корабля
христианской жизни¹⁰. Он берет эту метафору из греческой
литературы: еще до Платона полис сравнивался с кораблем.
Кормчий — по-гречески «кибернетес» — управляет с помощью
рулевого весла, которое по-французски, кстати, называется
douvernail, а по-древнерусски — «правило». И вот этот кибер-
нетес, кормчий, направляет корабль полисной или — в более
поздней интерпретации — христианской жизни к правильным
целям. При этом он отнюдь не распоряжается гребцами. Глав-
ное — это как направить корабль к праведной жизни, чтобы он
плыл к спасению, и оказаться в раю.

Очень интересно в этой связи проследить использование
глаголов «исправить», «направить», «управить» — от первых
переводов XI–XII веков до первого венчания на царство, то есть

9 БЕЗАНСОН А. *Убиенный царевич. Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение*. М.: МИК, 1999; СИНЯВСКИЙ А. *В тени Гоголя*. London: Overseas Publications Interchange, 1975.

10 «Что же такое — управление (kubernêsis)? [...] Оно есть сознание души о непостоянстве дел человеческих и о том, как надобно переплывать непостоянную жизнь... Раздражение и страх, удовольствия и скорби, наносимые нам плотским мудрованием, как будто сильною какою-то бурей, нередко потопляют неуправляемую душу. Посему должно, чтобы ум, как кормчий (kubernêtên), восседая выше страстей, правя плотию, как кораблем, искусно направляя помыслы, как кормило, мужественно попирает волны, высоко держась над ними, недоступен будучи страстям» (цит. по: ХАРКОРДИН О. *Указ. соч.* С. 13).

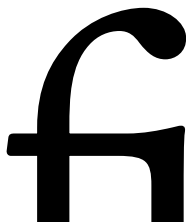
до Ивана Грозного: в большинстве своем, за исключением некоторых летописных случаев, оно связано с праведной жизнью. Это долг пастыря — гарантировать праведную жизнь для спасения души, и в основном этот долг приписывается священникам, иерархам Православной церкви: прежде всего они должны исправлять души. Но в определенный период — мы не можем указать на конкретную дату, только на серию эпизодов с начала XVI века до венчания на царство Ивана Грозного — то, что Виктор назвал «гувернированием», и то, что было в основном функцией церкви, вменяется теперь в обязанность светского правителя. Теперь князь должен гувернировать — управлять душами, детьми, взрослыми, паствой — заботиться о ее спасении.

К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГУВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

У нас был сильно развит словарь, не связанный с правительством и государством — он про моральное исправление. Мы про него забыли, а если его вспомнить, то со временем может произойти и переопределение нашего обыденного словоупотребления.

Одну из главных ролей в «переливе» пастырских функций светскому суверену сыграл преподобный Иосиф Волоцкий. Он двадцать лет убеждал Ивана III сжечь новгородско-московских еретиков, так называемых «жидовствующих». И в конце концов это случилось. Если посмотреть тексты Волоцкого, то можно увидеть, как в переводы византийских сочинений он вставляет то, чего там не было, заменяя глаголы со значением «спасение» (например у Иоанна Лествичника слово *diasosasthai* — от *diasōzō*, означающее «сохранить от бед» и восходящее к *sōzō* — «спасти») на глаголы «управить», «направить», «исправить». Во вставках, которые он добавляет, например, к поучениям Агапита императору Юстиниану или к шестой новелле Юстиниана, тоже можно обнаружить «ис-править» и «у-править». А далее фрагменты этих добавленных цитат со словами «править» и «управить» становятся официальной частью чина венчания на царство начиная с Ивана Грозного, когда «управить» — в смысле направить паству на правильный путь — отсылает к функции царя, которая вменяется ему при венчании. Как это развивается уже в XVIII–XIX веках показывают Живов и Успенский; это замечает и Фуко, когда цитирует Гоголя.

У нас был очень сильно развит словарь, не связанный с правительством и государством — он про моральное исправление.

Мы про него забыли, а если его вспомнить, то со временем может произойти и переопределение нашего обыденного словоупотребления. Все-таки советский УАЗик, везущий председателя в правление колхоза, — это меньше ста последних лет нашей истории, а до него тысяча лет, когда термины с корнем «прав-» употреблялись совершенно в другом смысле.

И. К.: Спасибо! Описывая европейскую полицейскую гувернаментальность XVII века, Фуко говорит, что как раз средневековый вопрос спасения теперь снимается с повестки дня светской власти. Он ссылается на святого Фому, для которого королевское правление, несмотря на все оговорки, в качестве конечной цели подразумевало вечное блаженство, то есть цель выходила за земные рамки. А теперь государственный интерес замыкается сам на себя — больше никакого эсхатологического телоса, никакого конца истории ни в виде финальной Империи кесаря, ни в виде Империи церкви. История, как говорит Фуко, становится безначальной и бесконечной, поскольку таковым — вечно возобновляемым и никогда не заканчивающимся — является управление, или, как предлагает писать Виктор, (у)правление. История теперь — это бесконечная история баланса внутри- и внешнеполитического. А в России, судя по всему, наоборот: суверену вменяют заботы о праведности подданных и их смертной судьбе. Так, может быть, Фуко прав в отношении русской культуры?

О. Х.: Телоса действительно нет, но с российским опытом сопоставимо то, что светскому правителю приходится гувернировать в том смысле, в каком это описал Фуко. Тут можно вспомнить Александра Филиппова, еще в начале 2010-х интерпретировавшего лекции Фуко через книгу американского историка русского происхождения Марка Раева¹¹. Там описывались проблемы, с которыми столкнулись протестантские немецкие княжества после изгнания католической церкви: оказалось, что все пьют, гуляют, не работают. Что с этим делать-то, если князю нужна армия и производительное население для соревнования с другими княжествами (в рамках нового европейского баланса)? Чтобы это обеспечить, светский правитель впервые вынужден вторгаться в регулирование повседневной жизни — то есть гувернировать. Народ не ходит в церковь по воскресеньям — значит, надо заставлять. Вместо слушания проповедей пьет — значит, надо закрывать

11 См.: RAEFF M. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven, 1983; Филиппов А. Ф. *Полицейское государство и всеобщее благо* // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 328–340.

таверны. Телеологической цели нет, зато есть очень простая цель поддержания стабильности в своем княжестве, с которой теперь связаны государство и государственный интерес. Стабильность — главный императив, отсюда и слово «статус», и слова *state, état, Staat, raison d'État* — «штатский» резон, как это переводили на русский. Эсхатологического телоса нет, но есть необходимость гувернировать население, чего светский суверен не делал до 1580-х. До Варфоломеевской ночи этим занималась церковь.

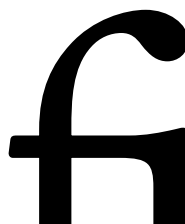
И.К.: Понятно. А наши князья даже раньше начали гувернировать...

О.Х.: У нас монахи стали раньше кричать князю: «Возьми на себя эту функцию!».

А.П.: Я хотел бы задать вопрос, больше связанный с методологией. Митчелл Дин, ключевой систематизатор гувернаментальных исследований как подхода и поля, выделяет в структуре гувернаментальности два необходимых компонента. Это сопровождаемые морализацией техники управления (или ведения, или исправления) и рациональность — как управление мыслит само себя и тех, кем управляет. В контексте Нового времени, на материале которого в первую очередь разрабатывалась идея гувернаментальности, рациональность сопровождается систематическим познанием индивидов и обществ, для чего формируются социальные науки. Но также есть момент продуктивности власти, на который обращали внимание и Виктор в упоминавшейся статье о природе гувернаментальности, и Митчелл Дин в своей книге, и многие другие авторы. Этот момент является центральным для последующих исследований разных форм субъектов и субъективации, поскольку управление индивидами сопровождается их субъективацией, производством управляемых определенного типа.

Как в таком случае проявляются (если проявляются) эти два компонента в материале, с которым вы работаете: во-первых, рациональность и систематическое познание, во-вторых, субъективация? В какой-то момент у меня возникло впечатление, что есть риск свести подход гувернаментальности к исследованиям, ведущимся на стыке этики, морали и управления, где эти два компонента теряются.

О.Х.: Спасибо за вопрос. Сами техники внедряются в XVIII веке: Раев описывал внедрение гувернаментальности, сам это так не называя, на примере заимствования камералистских практик и формирования субъекта. Министерство внутренних

дел в 1802 году создается как будто бы по Деламару, Зонненфельсу и Бильфельду, то есть по учебникам камерализма. Что касается систематического знания, о котором вы говорите, то статистика появляется в 1830-е, хотя уже в конце XVII века в Германии этим занимаются Конринг и другие. То есть реальная трансформация повседневных практик и изменение жизни случаются гораздо позже.

Я же наметил изменение морального дискурса, который впервые начинает побуждать князя заняться гувернированием. Но потом приключилась Смута, самоорганизация народа, чтобы ее остановить, правление Алексея Михайловича Тишайшего, и, в общем, до эпохи Петра I моральная санкция уже была, а практик еще не было. Многие историки говорят, что ничего нового Петр не придумал, а просто использовал административные достижения отца и царевны Софьи, но это надо смотреть более подробно.

И. К.: Спасибо. Как говорится, забежав вперед, мы слишком сильно оторвались, не успев подтянуть необходимую материально-техническую базу. Материал интереснейший и малоисследованный; кроме статьи Олега мне вообще не попадались работы, посвященные исследованию русской истории в оптике гувернаментальности, с использованием этого словаря. Есть ли еще вопросы?

Игорь Николаевич Стась
(р. 1989) — историк,
урбанист, старший науч-
ный сотрудник Центра
урбанистики Тюменского
государственного универ-
ситета, руководитель
магистратуры «Концеп-
туальная урбанистика».

Игорь Стась: У меня не столько вопрос, сколько реплика по поводу методологии, о которой спросил Александр. Я тоже думал об этих двух компонентах гувернаментальности, об этом пишет Виктор в своей статье, я за них зацепился, когда делал книгу «Советская ведомственность», используя во второй главе рамку гувернаментальности. Однако после проведения за последний год множества обсуждений и презентаций книги мне стало ясно, что, к сожалению, людям не всегда понятно, о чем идет речь. И, мне кажется, вопрос Александра хорошо подсвечивает это поле интерпретации между, с одной стороны, понятием *gouvernement* (направление поведения, или то, что сейчас Александр назвал субъективацией, а у Виктора в статье обозначалось как практики (у)правления), а с другой стороны, гувернаментальностью как типом рациональности. Галина справедливо отметила, что это еще и разговор на уровне диспозитивов. Гувернаментальность, таким образом, важна как способ дискурсивной артикуляции, или дискурсивной рационализации, этого «направления поведения». Очень важно аналитически и эвристически разводить в анализе гувернаментальности два компонента — практики (у)правления и их дискурсивное прочтение. Именно поэтому у Фуко появляется

понятие «государственный интерес», которое риторически фиксирует новую практику заботы о населении.

Если я правильно помню, именно такую двойственность раскрыл для российских читателей Виктор Каплун в своей статье в «Логосе». Это превосходная работа не только в российском контексте, но и в контексте мировой историографии, поскольку на Западе оказалось не так много публикаций, которые разбирают эту дихотомию гувернаментальности. Да, удерживать такую — двойную — исследовательскую оптику сложно, но я думаю, что в силу своей «бинокулярности» она очень продуктивна, поскольку предоставляет объемную картину для анализа. Александр верно говорил, что Фуко не стремился превратить все в устойчивую систему понятий, а скорее этими понятиями играл. Тем не менее у него можно проследить эту двуединую стратегию: с одной стороны, есть практики «гувернирования», а с другой, есть гувернаментализация — например государства, то есть рациональное и дискурсивное осмысления новых практик (у)правления, ориентированных на население и проговоренных в конечном счете в понятии государства, в этой, как говорил Фуко, мифологизированной абстракции.

И. К.: Галина, у вас есть вопрос?

Г. О.: Да, спасибо. Мне кажется, что это — невероятно интересный и воодушевляющий заход. И все-таки, Олег, как вы относитесь к перспективе скрещивания сложной, неустойчивой, эмерджентной и реляционной материи гувернаментальности со вполне устойчивой историей понятий? Нет ли для вас здесь некоторого противоречия? И если есть, то как вы с ним справляетесь? Понятно, что есть дефицит источников, есть трудности с доступом к практикам, и чем глубже в историю, тем сложнее. Но все-таки Фуко и в античность заглядывал.

О. Х.: Да, некоторые мои студенты все еще приносят статьи, где сравнивают Скиннера и Фуко — это к вопросу про коня и трепетную лань: все четвероногие, так что, возможно, мул получится.

Но можно ответить и по-другому. Чем хороша история понятий? Она показывает по крайней мере примитивное герменевтическое изменение значения, и это может быть намеком на изменения в практиках. Изменения в практиках в XVI веке — кроме того, что у князя появляется санкция сжигать еретиков, но он ее в основном не применяет — мы особенно не видим. Сейчас нужна пара диссертаций про то, как во времена Петра и Екатерины меняются практики, которые были обоснованы изменениями доктринальных текстов.

К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГУВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

Г.О.: Прямо сейчас дописывается диссертация про блуд и церковные суды в середине XVIII века. Там рассматривается проблема передачи юрисдикции от церкви к государству и анализируются новые практики воздействия и морального исправления прелюбодеев.

О.Х.: Спасибо! У нас сейчас готовится диссертация про то, как трансформируется пространство офиса, как приказ превращается в присутствие и как это связано с сакральными практиками, с этим преклонением, которое еще Биbihин описывал, тихой советской очереди перед человеком в окошечке, который ведет прием. Новое пространство формируется тем, что надо было физически отделить очередь от человека в окошечке. В приказной избе этого не было. Петр, когда копирует камерализм, вводит обязательное присутствие, и сидящий там человек должен находиться за тем, что по-английски называется *bar* — громадный брусок, отделяющий одно пространство от другого. Надо буквально смотреть на телесные практики трансформации пространства, чтобы увидеть не только церковные суды и не только то, что в эпоху Синода Петру и обер-прокурору приходится заниматься нравственностью, а нечто более фундаментальное — создание всей офисной системы, связанной с трансформацией сакральной структуры.

Г.О.: Да. Когда-то я писала диссертацию о русской канцелярии, и это тоже своего рода выход за пределы морального водительства в область конкретно-исторического опыта администрирования. Например «Общее учреждение министерств» и критика его Карамзиным за то, что вместо настоящих государственных дел теперь все внимание достается мелочам канцелярским — сколько бумаг в день следует изготавливать.

Очень важно аналитически и эвристически разводить в анализе гувернаментальности практики (у)правления и их дискурсивное прочтение. Именно поэтому у Фуко появляется понятие «государственный интерес», которое риторически фиксирует новую практику заботы о населении.

О.Х.: Сколько чернильниц должно быть, да?

Г.О.: Да. И, как кажется, перед нами тот уровень, на котором можно ловить сдвиги и, так сказать, гувернаментальный им-

пульс административной машины. Но стоит ли использование письменных процедур для управления территориями и населением спешить вписать в формуляр полицейской губернментальности или любой другой контейнер губернментальности, сконструированный Фуко для западных обществ? Быть может, при обращении к другому историческому опыту нам нужно спуститься этажом ниже и более пристально всматриваться, детальней описывать конкретные практические ансамбли (у)правления и (само)администрирования? Вдруг на этом пути мы избежим избыточной доктринальности, которая наблюдается в разговоре о губернментальности?

К СТОЛЕТИЮ
МИШЕЛЯ ФУКО.
ИСТОРИЯ «ГУВЕРНА-
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ»
В РОССИИ...

О.Х.: Готов сразу же с вами согласиться — действительно, нужно пристальное исследование исторической детали для создания сравнительной генеалогической картины. Святой Фуко не должен быть канонизирован настолько, чтобы сначала просто повторять его слова, как слова Фомы Аквинского, а потом искать подтверждение в реальности. Эмпирические детали покажут, наверное, что-то другое.

Продолжение следует

Июнь 2026 года

Подготовка к публикации Светланы Липатовой